

А. И.  
КУПРИН

*Избранное*



# Александр Иванович Куприн О Гоголе

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=2548585](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548585)*

## **Аннотация**

«Вы хотите получить от меня к Гоголевскому юбилею юмористический рассказ, но, право, у меня не хватает смелости написать его, так же как трагедию – к юбилею Шекспира, комедию нравов – к Грибоедовским дням или лирическое стихотворение в память Гейне...»

# Александр Иванович Куприн О Гоголе

Вы хотите получить от меня к Гоголевскому юбилею юмористический рассказ, но, право, у меня не хватает смелости написать его, так же как трагедию – к юбилею Шекспира, комедию нравов – к Грибоедовским дням или лирическое стихотворение в память Гейне. Помните, у Щедрина: сидит репортер, смотрит на бюст Гете и мечтает: «Вот этак бы написать!»

Дело другого рода – вопрос о влиянии Гоголя на меня и на моих сверстников. Влияния не было никакого. Да и вообще Гоголь одинок, без продолжателей и преемников. Сатира его, правда, отразилась в обличительной литературе шестидесятых – семидесятых годов, да и до сих пор отражается в современной публицистике в виде вечной цитаты об унтер-офицерской вдове, которая и т. д. . . . Но художественная красота его творчества совершенно оторвана от современной литературы.

Такова же судьба и Пушкина – у него не было ни одного яркого последователя. Он прошел по земле, как бог, не оставив за собою тени. Зато поглядите, какая пропасть учеников и подражателей у Толстого, Достоевского и Чехова, даже у

Андреева и Горького, даже, наконец, у Бальмонта и Блока!

Причина, по-моему, проста: Пушкин и Гоголь введены в курс преподавания в средне-учебных заведениях, а Толстой и Достоевский – эти два гиганта мировой литературы – находятся у начальства под сомнением и еще представляют всю прелесть запретного плода. Да! Только благодаря бездарности и невежеству русских педагогов, их робкому трепету, их чиновничьей трусости, их уважению не к душе русской литературы, а к циркулярам МНП, их неумению читать вслух, их принудительной и карательной системе обучения, их безвкусию – мы не изучаем, не знаем, почти не читаем творений этих двух отцов и подвижников русской изящной словесности. Мы вышли из школы, а в памяти у нас механически застряла «Птичка божия», «Чуден Днепр» и что-то еще о Петрушкином запахе. А перечитывать уже трудно! И не потому ли умный и честный Писарев замахнулся с такой буйной дерзостью на Пушкина, что его отравил в детстве какой-нибудь тупоумный педагог?

К Пушкину я вернулся двадцати пяти лет от роду и ныне чту его память, как магометанин Каабу. А Гоголя я открыл четыре года и три месяца тому назад в одну бессонную ночь, когда взял из шкафа первую попавшуюся книгу наудачу. С тех пор с умилением, с нежностью, с веселым смехом, с радостной злобой читаю и перечитываю Гоголя. Учиться же у него мне теперь поздно, так же как и моим литературным однолеткам.

Но эти ночные часы я никогда не забуду. Так, однажды, приехав с большим обществом на Иматру, я потихоньку отделился от всех, пошел какой-то узенькой тропинкой, заблудился и наконец с большим трудом, пробираясь сквозь частый кустарник, вышел к водопаду, идя на его все растущий шум. И я взглянул на него не с моста, не при разноцветном электрическом освещении, не сверяясь с красным путеводителем, а зоркими и удивленными глазами первобытного человека, впервые, во время охоты, случайно открывшего эту пенистую, бугристую, ревущую, стремглав несущуюся вниз реку.